

Татьяна Пыженко

Пепел на ветру копье в руке

18+

Татьяна Пыженко

Пепел на ветру копье в руке

«Автор»

2026

Пыженко Т.

Пепел на ветру копье в руке / Т. Пыженко — «Автор», 2026

Мэй — воин-лекарь: в сердце — упрямство и доброта, которой хватает и на раны, и на чужие страхи. Вместе с ней в битву со злом идёт её самый необычный союзник — конь Уголёк. Он не просто скакун, а лучший друг, который, если станет совсем невыносимо, может и к бочке с вином заглянуть, чтобы хоть на миг заглушить тревогу. Его «выпивошная» храбрость — это не слабость, а отчаянная попытка держаться, когда страшно за хозяйку. Их путь пересекается с генералом Хао — Князем тьмы, чьё имя шепчут с опаской. Когда-то он спас Мэй, и с тех пор его долг и чувства сплелись в тугой узел: он тайно влюблён в неё, но она об этом даже не догадывается. Кто он для неё — друг, враг или что-то большее. А между тем судьба готовит им испытания посерьёзнее любой битвы.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Татьяна Пыженко

Пепел на ветру копьё в руке

Глава 1

Лес цеплялся за сапоги колючими ветвями, будто не хотел отпускать путников. Ян Мэй уже не чувствовала ног, а в груди жгло так, будто она пробежала десять ли без передышки. Но хуже всего было то, что силы кончались не только у неё. Уголёк, обычно лёгкий на ходу, теперь ступал тяжело, с каждым шагом будто проверяя, выдержит ли земля его вес.

— Ещё немного, дружище, — прошептала Мэй, обнимая могучую шею. — Ты только найди дорогу. Я даже не прошу дворец — мне бы соломы и тишины.

Уголёк фыркнул, и этот звук прозвучал как усталое- «я стараюсь». Он шёл вперёд, чутко водя ушами, и вдруг его шаг стал увереннее. Впереди мелькнуло светлое пятно — не лунный свет, а тёплый, живой отсвет фонаря. Через пару минут они вышли к постоялому двору: покосившаяся вывеска, дым из трубы, запах жареной рыбы и свежего сена.

Мэй сползла со спины Уголёка, едва не рухнув на колени, и потащила его к конюшне. Хозяин постоялого двора, седой мужчина с лицом, изрезанным морщинами, вышел на порог, держа в руке фонарь.

— Эй, путник! Тут не постоялый двор для героев, тут люди спят! — буркнул он, но, увидев, как Мэй едва держится на ногах, смягчился. — Да ты еле стоишь... Ладно, в конюшне место есть. Только чтоб твой конь не крушил всё подряд.

— Он не крушит, он... философствует, — выдохнула Мэй, пытаясь улыбнуться. — И любит яблоки. Если есть — будет самым смиренным конём в империи. Хозяин хмыкнул, покачал головой, но кивнул.

В конюшне пахло сухим сеном и лошадьми. Мэй рухнула прямо на охапку соломы, и Уголёк тут же улегся рядом, вытянув мощные копыта. Мэй прижалась к его тёплому боку, закрыла глаза — и провалилась в сон быстрее, чем успела подумать о еде.

Но сон не принёс покоя.

Ей снова было четыре. Деревня горела, и пламя лизало крыши, словно живое, голодное существо. В воздухе стоял запах гари и железа. Мэй бежала между домов, крича: «Мама! Папа!» — но никто не отзывался. Вокруг бродили фигуры в варварских доспехах, а между ними скользили тёмные тени — демоны, чьи глаза светились холодным огнём. Она упала на колени, рыдая, и вдруг почувствовала, как чья-то рука тянет её прочь.

— Тише, — шепнул голос. — Не кричи. Они слышат крик.

Она подняла глаза, но лицо спасителя расплывалось, как в тумане. Только запомнилось ощущение тепла и твёрдости — и то, как он нёс её, пока ноги не перестали слушаться.

Мэй проснулась резко, с колотящимся сердцем, и тут же уткнулась носом в тёплую шерсть. Огромная чёрная морда Уголёка лежала у неё на груди, словно щит от кошмаров.

— Дружище... ты снова меня спас, — тихо сказала она, обнимая его за шею. Её пальцы дрожали, но с каждым вдохом становилось легче. — Спасибо, что ты здесь.

Уголёк тихонько фыркнул, будто говоря: «А кто ещё будет терпеть твои шутки и трубку?»

Мэй улыбнулась, уткнулась лбом в его шею и наконец-то смогла снова уснуть — без снов, без криков, только с ровным дыханием друга рядом.

Ранним утром, когда небо ещё было тёмно-синим, а звёзды — яркими, как иглы, Мэй проснулась по привычке — раньше всех. Она стряхнула с одежды солому, провела ладонью по волосам цвета воронова крыла и туго собрала их в мужской пучок. Привычные движения успокаивали, возвращали ощущение контроля.

Подняв мягкий сапог, она прицелилась и швырнула его в Уголька — прямо в бок.

— Хватит спать, соня! — громко сказала она, стараясь звучать бодро. — День не ждёт, а у нас ни еды, ни новостей.

Уголёк даже не вздрогнул. Он лениво приоткрыл один глаз, фыркнул так, что солома взметнулась вихрем, и неторопливо поднялся, всем видом показывая, что делает это исключительно из вежливости.

— Вот именно, — кивнула Мэй. — Вежливость — это хорошо. А ещё хорошо — овёс. На дворе уже начиналась жизнь: скрипели ворота, кудахтали куры, пахло дымом и свежим хлебом. Мэй подошла к бочке с ледяной водой, зачерпнула пригоршню и плеснула себе в лицо. Холод пробрал до костей, но сразу прогнал остатки сна. Она рассмеялась и брызнула водой на Уголька.

Тот в ответ хлестнул её хвостом по спине — резко, но без злобы.

— Эй! — Мэй снова рассмеялась, вытирая капли с лица. — Ну ты и нахал!

Она поднялась на террасу, где стояли деревянные столики, и уселась на скамью, вытянув уставшие ноги. К ней тут же подошёл хозяин.

— Чего изволите? — спросил он, слегка склонив голову.

— Миску риса, паровую булочку и бутылку вина, — спокойно сказала Мэй. — А для моего друга — овёс и несколько яблок. И побольше. Он... эмоциональный.

Хозяин кивнул, но задержался взглядом на Уголке, словно пытаясь прикинуть, сколько корма нужно, чтобы этот «эмоциональный» конь не начал жевать столы.

Пока Мэй ждала, её взгляд скользнул по двору. Мимо пробежала лохматая собака, за ней гнался мальчишка. Мэй улыбнулась, но тут же почувствовала на себе чей-то взгляд.

За соседним столом сидел мужчина в темной, потертой одежде и соломенной шляпе. Было видно, что ему не чужд тяжёлый труд — мозолистые, сильные руки, привыкшие к мечу или плугу. И он смотрел на неё не просто с любопытством, а так, будто нашёл то, что искал очень долго.

Принесли заказ. Бутылку вина поставили прямо перед Мэй, и она едва успела положить ладонь на горлышко, как Уголёк молниеносно вытянул шею и попытался стащить её со стола.

Мэй не растерялась. Щёлкнув его пальцем по носу, она строго сказала:

— Это не для тебя, пьянчуга. Я не хочу, чтоб ты страдал от похмелья.

Уголёк сделал вид, что смертельно обиделся: фыркнул, отвернулся и демонстративно принялся хрустеть овсом, но Мэй заметила, как хитро он косится на бутылку краем глаза. «Всё равно выпью из этого бутыля», — казалось, думал он.

Мэй только покачала головой и улыбнулась.

Тем временем мужчина решил подойти. Он держал в руках потрёпанную листовку. На ней был грубый рисунок: воин на огромном чёрном коне, с курительной трубкой в руке. Лица не было — только силуэт, но детали выдавали Мэй с головой.

— Прошу прощения, — сказал мужчина, подходя ближе. — Я ищу воина-лекаря. Но, к сожалению, не знаю его имени. Знаю только, что он ездит верхом на огромном чёрном коне и курит трубку.

Мэй замерла, держа палочки над миской. На секунду ей показалось, что земля качнулась под ногами. Но она быстро взяла себя в руки, прищурилась и заговорила спокойно, хотя внутри всё сжалось:

— Ну, допустим, ты нашёл своего воина-лекаря. А вообще у меня есть имя. Меня зовут Мэй.

Мужчина смутился, слегка покраснел и поспешно поклонился:

— Простите, госпожа Мэй... Я не ожидал, что воин — это женщина. И... довольно симпатичная. Неужели вы ещё и курите?

Мэй нахмурилась, но не зло — скорее устало. Ей редко приходилось объяснять, что трубка — не прихоть, а часть её ремесла. Но сейчас было не до объяснений.

— Сейчас разговор не о том, курю я или нет, — твёрдо сказала она. — Вы меня искали, значит, у вас что-то случилось очень серьёзное. Присаживайтесь ко мне за стол и поведайте свой рассказ.

Мужчина снова поклонился, на этот раз глубже, и сел напротив.

— Разрешите представиться, госпожа Мэй. Я рядовой из гарнизона Наньян, меня зовут У Бай. Меня и ещё нескольких рядовых солдат разослали по всей столице на поиски вас.

Он говорил быстро, будто боялся, что его остановят, и каждое слово давалось ему тяжело.

— Госпожа Мэй, сейчас идут ожесточённые бои с войсками северных варваров. Нам известно лишь то, что они отправляют в бой не только обычных воинов, но и тех, кто находится под контролем демонов. Они не просто сражаются на поле боя — они что-то делают со своими врагами. В итоге те, кто выжил после битвы, возвращаются в лазарет израненные, без сознания. Спустя какое-то время они начинают приходить в себя — и начинают буйствовать, не узнавая даже родных.

У Бай сжал кулаки, и Мэй заметила, как дрожат его пальцы. — Сейчас в гарнизоне находятся девять раненых солдат под командованием генерала Синь Луна. Они сражаются на западе столицы. Ещё сражение идёт на востоке столицы, недалеко от города Юньфэн. Там командует генерал Ши Дан — у них сейчас огромные потери. А на северной границе... — он запнулся, словно не решался произнести самое страшное. — На северной границе демоны прорвали заслон. И если мы не найдём способ остановить это, то скоро не останется ни гарнизонов, ни деревень.

Мэй слушала, не перебивая. Она положила палочки на стол, достала трубку и медленно набила её чтобы дать не много времени на размышления. Запах табака смешался с утренним воздухом, и на мгновение ей показалось, что она снова чувствует запах горящей деревни.

— Ты пришёл не туда, У Бай, — наконец сказала она тихо, но твёрдо. — Я не герой из легенд. Я просто лекарь, который слишком часто оказывается там, где нужна помощь.

Уголёк тихо подошёл и встал рядом с ней, словно подтверждая ее слова.

— Но если эти солдаты сходят с ума из-за демонической магии, — продолжила Мэй, — то я должна это увидеть. Расскажи мне всё: где, когда, что именно происходит с ранеными. И не пропускай ни одной детали, даже если она кажется тебе глупой.

У Бай кивнул, и в его глазах мелькнуло облегчение — будто он наконец-то передал кому-то тяжесть, которую нёс слишком долго.

— Спасибо, госпожа Мэй, — прошептал он. — Я расскажу всё, что знаю.

Мэй кивнула, взяла палочки и наконец-то попробовала рис. Он был простым, чуть пересоленным, но вкусным — как и любая еда после долгой дороги. Она посмотрела на Уголька, который уже принялся к миске с овсом, и тихо сказала:

— Похоже, «скоро будет жарко» — это не просто слова.

Уголёк поднял голову, фыркнул и будто бы подмигнул ей.

И Мэй улыбнулась.

Но в голове у У Бая всё ещё ворочалась тень сомнения: а правда ли эта девушка, такая молодая, да ещё и с шутками да трубкой, сможет помочь тем бедолагам, что бьются агонии сейчас в лазарете, не узнавая родных? Он покосился на её руки — не тонкие, как у придворных дам, а с мозолями от древка копья, с мелкими шрамами, которые не прячутся под рукавами. И на Уголька — огромного, мускулистого, с взглядом, в котором читалось: «Попробуй только, тронь мою Мэй». У Бай быстро отмел сомнения в сторону. Приказ есть приказ, а надежда — вообще штука упрямая.

— И так я продолжу, с вашего позволения, госпожа Мэй, — проговорил он, снова собираясь с духом.

Мэй поморщилась и махнула палочкой, будто отгоняя назойливую муху.

— Хватит с меня «госпожи». Я не из благородного рода, да и не люблю, когда передо мной кланяются. Зови просто Мэй. Или, если уж совсем по-свойски — сестрёнка Мэй. Так даже лучше: сразу понятно, что мы на одной стороне.

У Бай удивлённо приподнял брови, будто ему предложили не имя, а целый новый мир.

— Сестрёнка Мэй... — повторил он, пробуя слова на вкус. — Тогда и ты зови меня У Бай. Без чинов. Я ведь не генерал, я простой рядовой, которому дали важное поручение.

Он махнул мальчишке-помощнику, который сновал между столов с кувшинами и мисками:

— Эй, друг, принеси ещё бутылку вина! Да покрепче, если есть.

После этих слов Уголёк наострил уши так, что они стали похожи на два острых чёрных паруса. На мгновение даже показалось, что он пританцовывает на месте, переступая мощными ногами, — будто уже слышит, как пробка выскакивает из горлышка. Мэй заметила этот взгляд — хитрый, предвкушающий — и покачала головой.

— Даже не думай, — строго сказала она, глядя на Уголька. — Одна капля — и ты будешь носиться по двору, сшибая ворота. А мне потом объясняться с хозяином.

Уголёк сделал вид, что ничего не слышит: фыркнул, отвернулся и принялся хрустеть овсом с преувеличенным аппетитом. Но краем глаза всё равно косился на стол — выжидал.

Принесли новую бутылку. Тёмное стекло, тяжёлый плеск внутри, запах пряных трав, которыми настаивали вино. У Бай благодарно кивнул мальчишке, дождался, пока тот уйдёт, и снова посмотрел на Мэй. Теперь в его взгляде было меньше почтения и больше доверия — будто слово «сестрёнка» сняло невидимую броню.

— Так вот, сестрёнка Мэй, — начал он уже спокойнее, но от этого как будто даже серьёзнее. — Расскажу всё по порядку, чтобы ты поняла, почему мы так отчаянно тебя искали.

Он наклонился вперёд, опершись локтями о стол, и заговорил, подбирая слова, чтобы не упустить ни одной детали.

— В гарнизон Наньян сейчас девять раненых солдат. Их привезли после стычки на западной дороге — там, где лес подходит к скалам, и тропа сужается так, что даже отряд не развернётся. Бой был короткий, но страшный. Варвары шли не как обычные воины — они будто знали, куда бить, чтобы сломать строй. А потом... потом началось самое жуткое.

У Бай сжал кулаки, и Мэй заметила, как побелели костяшки.

— Те, кто выжил, вернулись без сознания. Их положили в лазарет, думали — раны тяжёлые, вот и не приходят в себя. Но через три дня один из них очнулся. И не узнал никого. Ни лекаря, который ему бинты менял, ни товарища, что рядом лежал. Он смотрел мимо, будто видел что-то другое. А потом начал кричать — не от боли, а от ужаса. И бросаться на всех подряд.

Мэй перестала жевать. Палочки замерли над миской. Она не перебивала — только слушала, а в голове уже складывались кусочки: запах магии, метки на коже, пульс, который бьётся не в такт.

— Ещё через день так же повели себя ещё двое. А теперь — все девять. Они не буйные всё время. Иногда лежат тихо, будто спят. А потом вдруг глаза становятся пустыми, и они начинают рвать простыни, кричать на языке, которого никто не знает. Лекари говорят — этни лихорадка, ни яд, не удар по голове. Это... что-то внутри.

Мэй медленно положила палочки, достала трубку и неторопливо набила её — не чтобы закурила.

— Ты говоришь, они кричат на незнакомом языке, — тихо переспросила она. — Это не варварский?

У Бай покачал головой.

— Не варварский. Это... как будто слова, которые ломаются на полпути. Будто кто-то говорит, но язык ему не принадлежит. Генерал Синь Лун приказал держать их отдельно, прикованными, но даже цепи не всегда помогают. А на востоке, у Юньфэна, генерал Ши Дан докладывает о том же — только там не девять, а уже больше двадцати. И каждый день новые.

Мэй задумалась. В её ремесле лекаря было одно правило: если болезнь странная — ищи источник. А если источник не трава и не вода — значит, магия. И если магия — значит, договор, дух, демон.

— А метки? — спросила она. — На коже? Шрамы, пятна, что-то, что появляется после того, как они приходят в себя?

У Бай кивнул, будто обрадовался, что она спрашивает не про чудеса, а про дело.

— Да. На груди, у сердца, у некоторых — тонкая чёрная линия, будто кто-то провёл иглой. У других — узор, похожий на паутину. Лекари пробовали мазать мазями, прижигать — ничего не помогает. Линия не исчезает.

Мэй коснулась пальцами своей трубки, постучала по ней — тихий, успокаивающий звук.

— Это печать, — сказала она тихо, скорее себе, чем ему. — Не просто метка. Печать, которая держит что-то внутри. Или выпускает что-то внутрь.

Уголёк, будто поняв, о чём речь, тихо подошёл и встал рядом с ней, тёплый, тяжёлый, надёжный. Мэй положила ладонь ему на шею — и почувствовала, как уходит дрожь, которую она даже не замечала.

— Расскажи ещё, — попросила она У Бая. — Всё, что знаешь: где нашли, кто был рядом, что говорили перед боем. Даже если кажется мелочью.

У Бай снова кивнул. И начал рассказывать — уже не торопясь, не глотая слова, а раскладывая их по полочкам, как солдат раскладывает снаряжение перед долгим походом.

А Мэй слушала. И думала о том, что впереди не просто дорога. Впереди — разгадка. И, возможно, тень того самого дня, когда она потеряла всё. Но сейчас она не одна. Рядом — Уголёк. И человек, который верит, что она может помочь.

...Мэй отодвинула миску, в которой осталось лишь несколько зёрен риса, и твёрдо посмотрела на У Бая. В её взгляде не было ни бравады, ни пафоса — только спокойная решимость человека, который знает: если тянуть, станет хуже.

— Картина мне ясна, — сказала она, постучав пальцами по трубке — этот тихий ритм всегда помогал ей собраться. — Сегодня ночью отправляемся в путь. Не будем ждать рассвета: чем меньше глаз нас увидит, тем спокойнее доберёмся.

У Бай чуть не подавился глотком вина.

— Ночью? Но... там же леса, тропы почти не видно. Да и солдаты в гарнизоне ждут хоть какой-то вести...

Мэй покачала головой, чуть наклонив её, как делают, когда объясняют очевидное упрямому ребёнку.

— Вести они получат. Но если мы будем сидеть и ждать удобного часа, эти печати на их груди станут глубже. Я видела такие следы раньше — не часто, но видела. Они растут, когда луна полная, а тени густеют. И если мы промедлим ещё день... — она не стала договаривать. Не нужно было. У Бай и так понял, что «ещё день» может стать слишком дорогой ценой.

Уголёк, до этого притворявшийся, что его интересует только овёс, вдруг поднял голову и фыркнул — коротко, резко, будто сказал: «Наконец-то. А то я тут от скуки уже начал подумывать стащить бутылку».

Мэй усмехнулась, глядя на него.

— Да, дружище, ты прав. Сидеть тут и слушать чужие беды — это не наш путь. Наш путь — идти туда, где эти беды можно распутать.

Она встала, потянулась, чувствуя, как затекшие мышцы напоминают о вчерашней стычке. Но усталость была привычной, почти родной — как старые сапоги, которые жмут, но снимать не хочется.

— У Бай, слушай внимательно, — продолжила Мэй, уже не как случайная попутчица, а как та, кто берёт ответственность. — Нам нужно собрать самое необходимое: бинты, травы, уголь для окуривания — он помогает сбивать демонический след. Ещё возьми пару чистых тряпок и верёвку: если придётся кого-то держать, лучше быть готовым. И... самое главное — узнай у хозяина, где ближайший короткий путь к гарнизону, минуя главные дороги. Варвары любят устраивать засады там, где много людей.

У Бай кивнул, и в его глазах мелькнуло то самое облегчение, которое приходит, когда кто-то другой берёт на себя тяжесть решений.

— Сейчас всё сделаю, сестрёнка Мэй, — сказал он, поднимаясь. — Только... ты уверена, что ночью?

Мэй улыбнулась — не широко, а так, как улыбаются перед трудным делом: спокойно и чуть устало.

— Именно ночью, У Бай. Демоны любят темноту, и их магия в это время сильнее. Но и духи, которые могут нам помочь, тоже просыпаются, когда гаснут фонари. Это наш шанс увидеть то, что днём прячется в тенях.

Пока У Бай уходил договариваться с хозяином и собирать вещи, Мэй подошла к Угольку, положила ладонь ему на шею и тихо сказала:

— Знаю, ты хотел бы ещё немного поваляться в сене и, может, всё-таки урвать глоток вина... Но сегодня нам нельзя медлить.

Уголёк фыркнул и боднул её лбом в плечо — не сильно, но так, что она чуть пошатнулась, «я с тобой».

Мэй засмеялась, обняла его за шею и на секунду прижалась лбом к его тёплой шерсти.

— Спасибо, дружище. Без тебя я бы давно сдалась.

Когда солнце окончательно село, окрасив небо в тёмно-фиолетовый цвет, а первые звёзды зажглись, как холодные иглы, Мэй уже стояла у ворот постоянного двора. На ней был простой дорожный плащ, трубка надёжно спрятана в чехле, а за спиной — сумка с травами и бинтами. Уголёк нетерпеливо перебирал копытами, будто чувствовал, что впереди не просто дорога, а что-то важное.

У Бай подошёл, тяжело дыша — он нёс два небольших мешка, один из которых явно был тяжелее другого.

— Тут всё, что ты просила, — выдохнул он. — И ещё... хозяин сказал, что есть тайная тропа через овраг. Она ведёт прямо к холмам у гарнизона. Но идти по ней ночью опасно: там крутые спуски и скользкие камни.

Мэй кивнула.

— Значит, будем осторожнее. Но пойдём.

Она одним махом забралась на спину Уголька, привычно устроившись в седле, и кивнула Баю: — Держи. — Она протянула ему моток крепкой верёвки. — Пригодится. А теперь насчет твоей лошади.

У Бай слегка покраснел, будто только сейчас вспомнил важную деталь.

— Прости, сестрёнка Мэй... Я ведь не пеший. У меня свой конь — Цинь. Он смирный, но быстрый. Хозяин держал его в дальнем загоне, подальше от твоего Уголька — боялся, что тот его перепугает одним своим видом.

Мэй хмыкнула, глянув на Уголька, который тут же сделал вид, что он самый воспитанный конь в империи.

— Ну, раз свой — значит, води. Посмотрим, как Цинь держит шаг в темноте.

Они прошли через двор к дальнему загону. Цинь, невысокий гнедой конь с умными тёмными глазами, тихонько заржал, увидев хозяина, и ткнулся носом в плечо У Бая.

— Тихо, тихо, друг, — прошептал У Бай, застёгивая подпругу. — Сегодня нам нельзя шуметь.

Через пару минут он уже сидел в седле, держа поводья легко, по-солдатски уверенно.

— Готов, — тихо сказал он. — Веди, сестрёнка Мэй. Я следом.

Мэй чуть натянула поводья, и Уголёк, будто только этого и ждал, пошёл вперёд — не галопом, а ровным, мощным шагом, который мог нести их много ли без усталости. Цинь шёл следом, чутко слушая шаги Уголька, будто понимал: в темноте лучше держаться рядом с тем, кто видит в ней как днём.

Тени сомкнулись вокруг, поглотив свет фонарей постоянного двора. Но Мэй не боялась темноты. Она знала: иногда именно в ней прячутся ответы.

И сегодня она была готова их найти. Тропа нырнула в овраг, и тьма стала плотной, почти осязаемой — такой, что даже звёзды казались далёкими и бесполезными. Уголёк шёл вперёд, не замедляя шага, будто видел сквозь черноту: его чуткие уши ловили каждый шорох, каждый хруст сухой ветки. Цинь ступал следом, чуть нервно поводя головой — ему не нравилась эта глухая тишина, в которой любой звук отдавался слишком громко.

У Бай держался позади Мэй, сжимая поводья так, что побелели костяшки. Он старался не выдать страха, но голос всё равно звучал чуть громче, чем нужно:

— Тут... тут всегда так жутко?

Мэй покачала головой, хотя он вряд ли мог разглядеть этот жест.

— Не всегда. Просто сейчас луна спряталась за тучами, а овраг любит хранить секреты. Держи Циня поближе к Угольку. Мой друг чует опасность раньше, чем она успевает шагнуть из тени.

Словно в подтверждение её слов Уголёк вдруг резко остановился, подняв голову. Его ноздри затрепетали, втягивая воздух, а потом он тихо, угрожающе фыркнул — звук, от которого у Мэй по спине пробежал холодок. Она знала этот фырок: он означал «там что-то есть».

— Стой, — прошептала она, и У Бай тут же натянул поводья, едва не заставив Циня встать на дыбы.

Из темноты, со склона, скользнули тени — не просто сгустки мрака, а фигуры в потрёпанных плащах, с остро заточенными клинками наготове. Варвары. Их было пятеро, и они двигались бесшумно, как хищники, обходя путников полукругом.

Один из них, самый крупный, шагнул вперёд, обнажив зубы в усмешке:

— А вот и добыча. И не простая — лекарь, за которого дают награду. Да ещё и на чёрном коне... Говорят, он не простой конь.

Уголёк в ответ громко заржал — не испуганно, а яростно, и рванулся вперёд, едва не сбив Мэй с седла. Она удержалась, вцепившись в гриву, и крикнула:

— Назад! Не лезь на рожон!

Но Уголёк уже не слушал. Он крутанулся на месте, мощно ударив задними ногами — и один из варваров, слишком близко подошедший, отлетел в сторону, глухо вскрикнув.

В тот же миг Мэй выхватила копьё, которое до этого мирно висело у седла. Её движения были быстрыми и точными, без лишней суеты — она не нападала, а держала дистанцию, прикрывая У Бая и Циня.

— У Бай! — крикнула она, не сводя глаз с врагов. — Держи коня и не выходи вперёд! Если начнётся сумятица, уводи Циня вверх по склону — там будет простор для манёвра!

У Бай кивнул, хотя голос его дрожал:

— Но я не могу просто сидеть!

— Можешь! И должен! — отрезала Мэй. — ты посыльный. А мне нужно знать, что ты в безопасности, чтобы не отвлекаться.

Варвары переглянулись и рассмеялись — хрипло, зло. Тот, что был впереди, снова шагнул ближе, поигрывая клинком:

— Ты храбрая, лекарь. Но храбрость не спасает от железа.

Мэй не ответила. Вместо этого она медленно выдохнула, закрыла на секунду глаза и прошептала короткую фразу — не молитву, не заклинание, а слова договора. Ни молитву, ни заклинание вокруг становится тяжелее, как сама тьма прислушивается к её голосу.

— Хозяин оврага, — тихо сказала она, глядя прямо в темноту, — я не прошу победы. Я прошу лишь, чтобы эти тени не подкрались со спины. Пусть земля под их ногами станет предательской. Взамен... в обмен на это знание — я оставлю здесь пучок полыни и три монеты.

На мгновение воцарилась тишина — такая, что было слышно, как тяжело дышит Цинь и как скрежещет клинок варвара о камень. А потом земля под ногами врагов действительно будто взбунтовалась: один поскользнулся на гладком камне, другой наступил в скрытую яму, третий едва удержал равновесие, когда склон под ним осыпался мелким щебнем.

Этого мгновения Мэй хватило. Она рванулась вперёд, копьём отбивая удар главного варвара, и резким движением выбила клинок из его руки. Оружие звякнуло о камни и покатилося вниз, в темноту.

— Бегите! — рявкнула она, и варвары, ещё секунду назад казавшиеся грозными, вдруг заколебались. Страх скользнул по их лицам — не перед Мэй, а перед чем-то, чего они не могли увидеть, но чувствовали кожей. Они отступили, растворяясь в тенях так же бесшумно, как появились. Только хруст камней под сапогами напоминал, что они были здесь.

Когда последний силуэт исчез, Мэй опустила копьё и глубоко вдохнула. Её руки слегка дрожали — не от страха, а от напряжения. Она знала: магия договоров всегда берёт свою цену, даже если это всего лишь пучок травы и несколько монет.

Уголёк подошёл к ней, ткнулся носом в плечо — его шерсть была горячей, взмокшей. Мэй обняла его за шею, прижалась лбом к жёсткой гриве.

— Спасибо, дружище. Ты снова меня прикрыл.

У Бай подъехал ближе, его лицо было бледным в тусклом свете, пробивающемся сквозь тучи.

— Я... я думал, мы не выберемся, — тихо признался он. — А ты просто... поговорила с оврагом?

Мэй кивнула, вытирая пот со лба.

— Да. Это часть моего ремесла. Лекарь должен уметь не только бинтовать раны, но и договариваться с тем, что их наносит.

Она достала из сумки пучок сухой полыни, бросила его на землю и следом кинула три серебряные монеты — тусклые, старые, но вполне настоящие.

— Вот плата, — сказала она в темноту. — Спасибо за помощь.

Тишина ответила ей лёгким шелестом ветра.

— Теперь идём дальше, — твёрдо сказала Мэй, снова забираясь в седло. — Они могут вернуться, если поймут, что мы не так просты, как казалось.

У Бай молча кивнул, поправил поводья и придержал Циня, пока тот нервно переступал с ноги на ногу.

— Прости, что хотел спорить, — тихо произнёс он. — Я буду делать, как ты скажешь.

Мэй чуть улыбнулась — не широко, а так, чтобы он понял: она не сердится.

— Хорошо. Тогда держись рядом. И если увидишь, что Уголёк снова поднимает голову — сразу говори. Он чувствует магию раньше меня.

Они двинулись дальше, теперь уже медленнее, осторожнее. Тропа петляла между скал, то поднимаясь вверх, то ныряя в узкие проходы. Ветер шептал что-то на непонятном языке, а тени тянулись к ним, словно хотели коснуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.